

М. СМОЛЕНСКИЙ <М. Н. ШВАРЦ>

Троцкий

<Фрагменты>

Троцкий, быть может, самая блестящая, самая парадоксальная фигура среди большевистских главарей. Обычно, как мы уже отметили, выдвигают на первый план его незаурядный талант организатора и политического тактика, блестящего писателя и оратора, сочетающего логичность аргументации с красивой формой речи, то пронзенной едким бичующим сарказмом, то возвышающейся до истинного пафоса. И действительно, Троцкий, этот гениальный политический авантюрист, взваливший на свои плечи «титаническую задачу» вооруженной защиты советской России от нападения русских «контрреволюционеров» на бесчисленных фронтах, дал достаточные основания для такой характеристики. «Его молниеносные переезды» с места на место, его «горячечные речи», «электризирующие армию», поднимающие ее дух в минуты сильной опасности, — эти качества выдающегося «политического практика» невольно отодвигают на задний план его значение как талантливого политического мыслителя.

В отличие от Ленина, этого верного раба марксистского учения, «социалистического начетчика», оперирующего лишь «священными текстами» и цитатами, в отличие от него, Троцкий, по его собственному заявлению, толкует марксизм «прежде всего, как метод анализа, — не анализа текстов, а анализа социальных отношений», и пытается вполне самостоятельно, как бы изнутри, переработать марксизм в целях постижения текущей исторической действительности. Если Ленин марксист догматический, «ортодоксальный», то Троцкий — марксист «методологический».

В «Перспективах русской революции» (заключительная глава к его известному труду «История революции»¹ 1905–6 г.), он с большой прозорливостью уже десять лет тому назад словно предвосхитил весь ход революции теперешней и, с удивляющей нас ныне четкостью, как бы наперед рассказал все содержание этого, поистине трагического «революционного фильма», развертывающегося на наших глазах. Хорошо понимая, что наша революция, хотя и окажется буржуазной по своим объективным целям и, значит, по своим неизбежным результатам, он все же предвидел, что ее героем, ее главным деятелем явится пролетариат, «который всем ходом революции будет толкаться к власти». И далее, Троцкий уже тогда ясно понимал, что благодаря особенностям русской социально-исторической обстановки, политическое господство пролетариата даже в рамках этой буржуазной революции не окажется лишь преходящим эпизодом, ибо пролетариат, раз получив в свои руки власть, не отдаст ее без отчаянного сопротивления, не выпустит ее, доколе она не будет у него вырвана вооруженной рукой. «Русской буржуазии», предсказывал Троцкий, «придется сдать пролетариату не только все революционные позиции, но и революционную гегемонию над крестьянством», ибо при той политической ситуации, которая создастся переходом власти к пролетариату, крестьянству останется лишь присоединиться к режиму рабочей демократии².

<...>

Мы пытались охарактеризовать Троцкого как политического идеолога, как одного из вождей антидемократического социализма, ведущего ныне ожесточенную теоретическую борьбу с социализмом демократическим, руководимым, главным образом, Каутским³.

Небезынтересно будет и охарактеризовать его как человека. Мы не собираемся дать здесь его биографию, а хотим нарисовать, хотя бы беглыми штрихами психологический портрет этого многоликого революционера, пытаясь, сквозь призму его разнообразной деятельности, как политического писателя и оратора, как теоретика и практика, — разгадать его истинную духовную природу. Для этой цели мы воспользуемся здесь небезынтересными данными, которые представил Луначарский в своей последней книге: «Октябрьский переворот». «Показания» Луначарского, хотя, к сожалению, и отличаются несомненной пристрастностью,

впрочем, вполне понятной у политического единомышленника, тем не менее, они все же ценны, как сведения, идущие от человека, давно и хорошо лично знающего Троцкого, начиная с его первого политического дебюта на 2-м социал-демократическом конгрессе в 1904 году. Свидетельские же показания Луначарского мы подвергнем ниже и объективной, и критической оценке⁴.

<...>

Таков Троцкий в изображении Луначарского.

Мы не можем согласиться с ним, что Троцкий, как политически мыслитель, «более ортодоксален, чем Ленин» и что будто бы он «всегда руководится буквою революционного марксизма. Мы уже отметили выше, опираясь на его «Историю первой Русской Революции», что именно Троцкий пытался самостоятельно развивать дальше марксистскую доктрину, что особенно ярко и четко выразилось в том интересном преобразовании марксистской идеи диктатуры пролетариата, о которой речь шла выше. Мы видели, как исходя из этой обновленной идеи диктатуры пролетариата, Троцкий в заключительной главе своей известной книги пытался предсказать наперед весь ход грядущей русской революции, и мы знаем теперь, что он оказался во многом прав. И далее, как один из вождей современного антидемократического социализма, он, с большой духовной энергией и страстностью, в своем споре с Каутским как бы додумывает до последнего логического конца ту часть марксистского учения, которую Зомбарт⁵ метко окрестил, «революционно-утопической и рационалистической». Этим самым он немало способствовал и выяснению двойственности самой марксистской доктрины: фактически имеющиеся в ней два мировоззрения — революционно-утопическое, рационалистическое и эволюционно-историческое — не нашли своего завершающего синтеза у ее творца.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на известную идеализацию Троцкого, как политического агитатора и человека, Луначарский, как нам кажется, недооценивает все же Троцкого, как политического мыслителя, по сравнению с Лениным. Этот последний, по собственному признанию, менее всего стремится быть «новатором» в области марксистской доктрины и даже выдает себя за самого «верного» ученика Маркса, жестоко упрекая своих противников в «преступных отступлениях» от подлинного вероучения» и именуя их «рenegатами». В противоположность

Луначарскому, мы считаем возможным утверждать, что именно Ленин есть «марксист ортодоксальный», по крайней мере по своим намерениям, всегда стремящейся придерживаться именно «буквы марксизма»; Троцкого же следует считать «марксистом методологическим», ибо он на первый план в своих исследованиях ставит всегда дух и метод марксистского социализма, пытаюсь на его основе самостоятельно мыслить и творить.

Таким образом, наряду с Лениным, и Троцкий является, по нашему мнению, одним из главнейших теоретиков русского неоккоммунизма и в то же время он — его виднейший практик.

Мы напомним, что никто иной, как Троцкий основал пресловутую «красную гвардию»⁶, бывшею первой опорой советского правительства и потом разросшуюся в современную «красную армию», главным организатором и вдохновителем которой является опять-таки Троцкий, отразивший во главе ее все нападения на Советскую республику.

Как бы ни относиться к большевистскому режиму, нельзя не признать выдающихся заслуг Троцкого в деле его организации и упрочения. И невольно возникает вопрос, правда, несколько непочтительный, мог ли бы даже вообще Ленин, этот по Луначарскому, «гениальный руководитель мировой революции» долго усидеть на своем почетном председательском кресле в «Совнарком», если бы Троцкий, этот истинный организатор большевистских побед, не гарантировал бы полной безопасности для советской республики, отразив ее врагов на бесчисленных фронтах?

Далее, сопоставление Троцкого, как политического оратора с Жоресом, мы считаем, конечно, чрезмерно преувеличенным и пристрастным. Нам пришлось прослушать несколько речей Троцкого в Швейцарии, в эпоху мировой войны. Хотя мы не можем не признать за ним несомненного большого ораторского дарования, но все же глубины жоресовского мышления, его мудрой политической осторожности и вытекающей отсюда умеренности суждения, его широкого философского образования, а главное, его великого морального пафоса, продиктованного неиссякаемой и искренней любовью ко всем страждущим и угнетенным, — этих черт великого французского социалиста-агитатора у Троцкого несомненно нет. Да и вообще, Луначарский идеализирует Троцкого как человека.

Но даже в его изображении Троцкий является политическим честолюбцем, правда, «высшего полета», причем вера в свое «исто-

рическое призвание» служит у него, по-видимому, главнейшим стимулом для политической деятельности. И даже трудно сказать, кто же, собственно, скрывается под маской «трагического революционного вождя», каким его угодно величать Луначарскому, — гениальный ли политически авантюрист, жестокий властолюбец — или, быть может, и Троцкий, подобно Ленину, лишь холодный и упрямый фанатик, твердо и неуклонно верующий в социалистическую догму и ради нее готовый зажечь пожар социальной революции не только в России, но и во всем мире, каких бы жертв это человечеству ни стоило, во имя великого и «священного» социалистического эксперимента, во имя «великого невозможного»?

«Погибнуть или на всех парах устремиться вперед» — таков «девиз истории», по Ленину, — не солидарен ли с ним и здесь его политический единомышленник Троцкий? Или, быть может, Троцкий своего рода «проблематическая натура», где характерный черты, свойственные политическому авантюристу, причудливо и неожиданно переплетаются с чертами революционного фанатика?

Еще не настал, по-видимому, момент для исчерпывающего и окончательного разрешения этой живой психологической загадки, какой является Троцкий.

Но уже теперь ясно, что Троцкий, как бы ни относиться к его большевистской теории и практике, — крупная политическая фигура, которая войдет в русскую историю.

